

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

О ДРЕВНЕЙШИХ АНТРОПОМОРФНЫХ СТЕЛАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

За последние годы советские и зарубежные исследователи не раз обращались к вопросу о древнейших «каменных бабах» — антропоморфных стелах эпохи бронзы из Северного Причерноморья. Эта, казалось бы, очень частная тема представляет значительный интерес для истории первобытной культуры. Во-первых, речь идет о самых ранних изображениях человека в монументальном искусстве с территории нашей страны, о первых скульптурных памятниках человеку. Иными словами, перед нами свидетельство очень существенных сдвигов в мышлении первобытных людей и в развитии их искусства. Во-вторых, древнейшие каменные бабы — важный источник для изучения культурных связей эпохи бронзы, поскольку близкие аналогии причерноморским стелам можно найти в весьма отдаленных районах.

Последняя сводка по этому вопросу — статья Т. Д. Златковской¹ изобилует, к сожалению, пропусками и ошибками. Автор не использовал ряд работ по той же самой теме. В одной из этих работ опубликована интересная Новочеркасская каменная баба². В обзор Т. Д. Златковской эта статуя не попала. В статьях А. Хеслера, А. А. Формозова³ и в отклике Н. Я. Мерперта на публикацию Натальевской стелы⁴ поднят вопрос о связях антропоморфных стел Причерноморья с мегалитическими изваяниями Франции. Посвятив свою статью «этнокультурным связям» эпохи бронзы, Т. Д. Златковская ни слова не говорит об этом вопросе и вообще не упоминает об антропоморфных изваяниях вне Причерноморья. Свою статью Т. Д. Златковская начинает с утверждения, что каменную бабу из Гаманджин в Румынии никак не удавалось связать с находками в Северном Причерноморье, но благодаря публикуемой здесь антропоморфной стеле из Александровки в Молдавии это, наконец, стало возможным (стр. 80). Между тем фигуру из Гаманджин сопоставляли с южнорусскими много раз — от А. Таллгрена в 1934 г.⁵ до А. Хеслера в 1958 г. Что же касается находки в Молдавии, то и стела из Александровки, и еще одно изваяние близкого типа были изданы Э. А. Рикманом уже в 1961 г.⁶ Прорись стелы из Гаманджин сделана Т. Д. Златковской неправильно. Из двух контуров стоп, вырезанных на оборотной стороне стелы, один опущен, а другой искажен до неузнаваемости. Неточна и прорись стелы из Белогрудовки, да, по-видимому, и самой Александровской стелы. Во всяком случае, на фото в книге Э. А. Рикмана видна кисть левой руки, не показанная Т. Д. Златковской на прориси.

Все эти промахи и ошибки снижают научную ценность статьи Т. Д. Златковской и требуют новых публикаций по той же теме. Здесь мы коснемся только нескольких

¹ Т. Д. Златковская, К вопросу об этнокультурных связях племен южнорусских степей и Балканского полуострова в эпоху бронзы, «Сов. этнография», 1963, № 1, стр. 79—88.

² A. Haüsler, Die Felszeichnungen der Kamennaja Mogila und megalithische Einflüsse in Sudrussland, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Marthin Luther Universität, Halle-Wittenberg, Bd. VII, Hft. 2, 1958, стр. 497—509.

³ А. А. Формозов, Образ человека в памятниках первобытного искусства с территории СССР, «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 6, стр. 110—111.

⁴ В. В. Кропоткин и Н. Я. Мерперт, Рец.: «Археология», т. V, Київ, 1951, ВДИ, 1952, № 2, стр. 146.

⁵ A. Tallgren, Sur les monuments megalithique du Caucase occidentale, ESA, IX, 1934, стр. 40—45.

⁶ Э. А. Рикман, Памятники древнего искусства Молдавии, Кишинев, 1961, рис. 9.

ее аспектов. Но прежде всего нужно дать перечень памятников с краткими справками об условиях их находки. Вот он: 1) Натальевка в районе Днепропетровска. Случайная находка; 2—3) Белозерка на Херсонщине. Две стелы перекрывали ямные погребения — ребенка и подростка; 4) случайная находка, хранящаяся в Новочеркасском музее; 5—6) Белогрудовка около Умани. Две стелы случайно обнаружены во вторичном положении; 7—9) Тиритака близ Керчи. Три стелы найдены в кладке античных зданий VI—IV вв. до н. э.; 10) Никополь. Стела перекрывала ямное погребение взрослого; 11) Капустино на Тилигульском лимане. Стела перекрывала ямное погребение, по-видимому, подростка; 12) Новофилиповка в районе Мелитополя. Стела перекрывала ямное погребение взрослого; 13) Преслав близ Ногайска. Стела перекрывала ямное погребение взрослого; 14) Первомаевка Херсонской области (раскопки 1953 г.). Стела перекрывала детское ямное погребение; 15) Первомаевка Херсонской области (раскопки 1954 г.). Стела покрывала ямное погребение; 16) Казанки в районе Бахчисарая. Стела найдена на вершине кургана, позднее раскопанного А. А. Щепинским; 17) окрестности Одессы. Случайная находка на вершине кургана; 18—19) поселок Мамай близ Евпатории. Две стелы перекрывали одно ямное погребение взрослого; 20) Новомельяновка Крымской области. Стела найдена на кургане; 21) Чокурчинский курган близ Симферополя. Стела покрывала детское ямное погребение; 22) Балки Запорожской области. Стела перекрывала детское ямное погребение; 23) Александровка в Молдавии. Случайная находка⁷. Вне пределов СССР сходные стелы найдены в Румынии — в Гаманджи, Герле в районе Клужа и в числе трех экземпляров в Байе де Криш⁸.

В 1958 г. А. А. Щепинский разделил стелы на два типа. Первый — плиты миндалевидных очертаний или в виде вытянутого прямоугольника с выступом, обозначающим голову, но без каких-либо других деталей. Второй — стелы, на которых гравировкой намечены черты лица, оружие, одежда, украшения. Стелы первого типа перекрывали могильные ямы, а второго — стояли на курганах⁹. Т. Д. Златковская приняла эту типологию, слегка усложнив ее. Обратимся к фактам. Как видно из перечня, три стелы найдены на курганах, 12 перекрывали могилы, первоначальное положение восьми стел неясно. Но в отношении пяти из них — двух белогрудовских и трех тиритацких, использованных в последнее время, более вероятно, что их просто сняли с курганов, а не выкопали из могил. На курганах обнаружена не только стела второго типа из Казанков, но и стелы из Одессы и Новомельяновки, принадлежащие к первому типу¹⁰. Стела № 14 из Первомаевки перекрывала могилу, но скорее должна быть отнесена ко второму типу. На ней обозначены и руки, и черты лица, и даже лопатки на оборотной стороне плиты¹¹. Последняя особенность сближает стелу с изваяниями из Натальевки, Новочеркаска и Белогрудовки, на которых показаны ребра. Вероятно, первомаевская стела с изображениями с двух сторон первоначально стояла на кургане. На стеле из Капустина намечены черты лица, но и она перекрывала могильную яму.

Анализируя условия находок стел в могилах, мы увидим, что в одних случаях стела представляла собой единственное покрытие ямы, в других, как в Мамайском кургане, одну могилу перекрывали две стелы¹², в третьем случае, как в Первомаевке, яму покрывали стела № 15 и две простые плиты¹³. В шести случаях стелы связаны с захоронениями детей и подростков, в пяти — с погребениями взрослых (один случай неясен). Так как число стел по отношению ко всем ямным курганам очень невелико, естественно было бы связывать эти изваяния с могилами выдающихся членов рода, а никак не детей.

⁷ Литературу см. Т. Д. Златковская, Указ. раб.; А. Häusler, Указ. раб., стр. 504—505; позднее появились публикации; О. А. Кривцова-Гракова, Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле. МИА, № 115, 1962, рис. 9; А. А. Щепинский, Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму, «Сов. археология», 1963, № 3, стр. 38—47; А. В. Бодянский, Древнеямное погребение с антропоморфной стелой. «Сов. археология», 1964, № 1, стр. 291—292.

⁸ V. P. La Statue-menhir de Hamangia, «Dacia», II, Bucarest, 1925, стр. 422—425.

⁹ А. А. Щепинский, Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму, «Сов. археология», 1958, № 2, стр. 146.

¹⁰ Л. П. Латышева, Новая антропоморфная стела эпохи бронзы, «Праці Одеського державного університету», т. 149, серия истор. наук, вып. 7, 1959, стр. 152; А. А. Щепинский, Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму, стр. 45.

¹¹ Г. Т. Титенко, Каменная стела из Первомаевки, Краткие сообщения Института археологии (КСИА) АН УССР, вып. 5, 1955, стр. 78—79.

¹² А. А. Щепинский, Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму, стр. 44.

¹³ В. И. Канивец, Курган раннего бронзового века у с. Первомаевки на Херсонщине, КСИА АН УССР, вып. 5, 1955, рис. 1.

Весь этот разнородный можно понять только одним образом — стелы попали в погребения вторично. Мы имеем дело не с каким-то устойчивым ритуалом, а с рядом случаев повторного использования более древних памятников в конструкциях погребальных сооружений. Это явление уже не раз отмечалось в курганах эпохи бронзы Северного Причерноморья. И камни с гравировкой в кромлехах усатовских курганов¹⁴, и стела из Бахчи-эли¹⁵, и плита с солярным знаком из Симферопольского кургана № 10¹⁶ найдены во вторичном положении. То же характерно для памятников окуневского типа в Минусинской котловине, где в могилы нередко попадали обломки изваяний и плит с изображениями¹⁷. Надо думать, что подавляющее большинство причерноморских стел изначально стояло на курганах.

Хотя деление стел на два типа — примитивный и более сложный — оправданно, надо подчеркнуть, что все стелы можно выстроить в один прямой эволюционный ряд. В начале его надо поставить: 1) простые необработанные камни-менгиры, стоявшие на курганах. Мы знаем их в Крыму¹⁸. Далее будут идти: 2) отесанные плиты миндалевидных очертаний без выступа, обозначающего голову, но как бы с намеченными плечами (Никополь, Преслав); 3) плиты с выступом головы (Белозерка, Первомаевка № 15, Одесса, Мамайский курган, Новоемельяновка, Чокурча, Новофилипповка); 4) стелы с намеченными чертами лица (Капустино); 5) стелы с обозначением черт лица и рук (Тиритака); 6) стелы с вырезанными на них чертами лица, руками и лопатками (Первомаевка № 14); 7) стелы с обозначением лица, рук и ребер (Белогрудовка); 8) стелы с обозначением лица, рук и ожерелья (Александровка); 9) стелы с выгравированными ребрами, руками, поясом и посохом (Новочеркасск); 10) стелы, на которых выгравированы лицо, руки, ребра, пояс и оружие (Натальевка); 11) стелы с обозначением лица, рук, пояса и с двумя дополнительными фигурками людей внизу (Казанки). Ряд получается полный. Разбить его на две или три части можно только искусственно. В конце ряда, вслед за изваянием из Казанков с двумя дополнительными фигурками людей, можно поставить стелу из Бахчи-эли. Она связана с антропоморфными стелами, ибо на ней изображены люди и топоры, но представляет собой нечто более сложное. Здесь показана уже целая сцена. Кроме того, плита служила не только памятником, но и жертвенником с чашечными углублениями для возлияний.

Датировка первой половины ряда ясна — ямное время, датировка второй — спорна. Т. Д. Златковская пыталась доказать, что стелы, наиболее сложные по типу, существовали на протяжении всего II тысячелетия до н. э. Единственным аргументом в пользу этого было сравнение контуров топоров на стеле из Гаманджии с медными топорами конца II тысячелетия до н. э. Но откуда известно, что на статуе из Гаманджии изображены медные, а не каменные топоры, типа Бессарабского клада (который Т. Д. Златковская считает не имеющим отношения к теме)?¹⁹ Важно, что стела из Казанков, едва ли не самая сложная из всей серии, найдена на кургане над погребением, сопровождавшимся каменным сверленным топориком начала II тысячелетия до н. э.²⁰ Видимо, даже наиболее совершенные изваяния недалеко отстоят по времени от самых примитивных.

В своей статье 1963 г. А. А. Щепинский высказал предположение, что, в отличие от примитивных стел первого типа, стелы из Казанков и Бахчи-эли относятся не к ямной, а к другой культуре III — начала II тысячелетия до н. э., — выделенной этим автором под именем кеми-обинской. Это построение не кажется нам убедительным. Аналогии стелам из Казанков и Бахчи-эли известны далеко за пределами Крыма — на Днепровских порогах (Натальевка), Нижнем Дону (Новочеркасск), под Уманью (Белогрудовка) — там, где нет никаких следов «кеми-обинской культуры», но есть ямные погребения.

Рассмотрим теперь давно поднятый, но не затронутый Т. Д. Златковской вопрос о связи антропоморфных стел из Северного Причерноморья с западноевропейскими. Действительно, наиболее совершенные стелы — из Натальевки, Новочеркаска, Белогрудовки, Александровки, Казанков — имеют удивительные соответствия в мегалити-

¹⁴ А. А. Формозов, Изображения на плитах кромлеха из кургана у с. Вербовка. КСИА АН УССР, вып. 5, 1955, стр. 71.

¹⁵ А. А. Формозов, Материалы к изучению искусства эпохи бронзы Юга СССР, «Сов. археология», 1958, № 2, стр. 137—139.

¹⁶ А. А. Щепинский, Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма, «Сов. археология», 1961, № 2, стр. 228—229.

¹⁷ Э. Вадецкая, «Музей» под открытым небом, «Искусство», 1964, № 12, стр. 69.

¹⁸ ОАК за 1896 г., стр. 160; О. Н. Бадер, Материалы к археологической карте восточной части горного Крыма. «Труды Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы», т. I, М., 1940, рис. 6—9.

¹⁹ Т. Д. Златковская, Указ. раб., стр. 84—88.

²⁰ А. А. Щепинский, Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму, стр. 43, рис. 5, 3. На рисунке видно, что это топор, а не молоток, как сказано в тексте.

Сопоставление антропоморфных изображений Северного Причерноморья (слева) и Франции (справа): 1 — стела Новочеркасского музея, 2 — Казанки, 3 — Натальевка, 4 — Александровка, 5 — Коллорж (департамент Гар), 6 — Морель (департамент Авейрон), 7 — Куржеонне (департамент Марны), 8 — Эпон (департамент Сены и Уазы)

ческих изваяниях Франции²¹. На публикуемой таблице хорошо видна целая серия соответствий. Это трактовка носа и глаз в виде двух перпендикулярных друг другу черт, пояса и ожерелья, Т-образные скипетры и «пастушьи палки», фигурки двух человечков в нижней части плиты и ступни ног на ее обороте. Совпадений столько, что случайными они быть не могут. В наших руках свидетельство тесных связей искусства Причерноморья и Западной Европы в эпоху раннего металла. Есть и другие доказательства этих связей. Рисунки запряжек быков на Каменной могиле тождественны наскальным рисункам Лигурии²². В. Н. Ястребов и В. И. Гошкевич упоминают о камнях с обособленными изображениями пастушеских палок на Херсонщине²³. Аналогичные знаки на камнях описаны и во Франции²⁴. Причерноморские стелы больше всего похожи на изваяния из южных департаментов Франции (Гар, Авейрон, Тарн), а рисунки запряжек быков близ Мелитополя — на петроглифы Италии. Обе аналогии ведут нас в Средиземноморье и подсказывают, что контакты двух районов шли по побережью, а не через Центральную Европу. Очень существенно, что все наши находки стел вытянуты узкой полосой вдоль берега Черного моря. На север они проникают главным образом по Днепру. Видимо, пункты находок ложатся на какие-то древние пути. Давно уже известно тяготение дольменов к приморским районам, указывающее на роль морских сношений в распространении этих своеобразных усыпальниц²⁵. Археологические работы на Кавказе приводят к выводу о большом значении древних путей вдоль берегов Черного и Каспийского морей во взаимоотношениях населения Закавказья и Северного Кавказа²⁶. Нечто подобное имело место и в Северном Причерноморье. Вероятно, по побережью распространялись изделия из балканской меди, представленные в Усатове и еще в нескольких украинских памятниках²⁷. По той же полосе далеко на запад продвинулось из Приднепровья степное население, оставившее на территории Румынии «погребения с охрой»²⁸. Вполне понятна и роль Днепра как пути древних культурных связей.

На этом фоне и следует рассматривать проблему древнейших антропоморфных изваяний Южной России. Это не узко причерноморская проблема, как ее трактует Т. Д. Златковская, а часть большой проблемы древнего искусства и культовых представлений Средиземноморья, да, пожалуй и всей Европы. Много здесь еще неясного и спорного, но большее сходство изваяний Франции и Причерноморья налицо. Каково же было основное направление древних связей — с востока на запад или с запада на восток? Тот факт, что стелы в Южной России распространены на очень узкой приморской полосе, а не по всему ареалу ямной культуры, заставляет нас скорее склониться к признанию воздействий запада на Причерноморье²⁹.

А. А. Формозов

²¹ См. о них: R. Octobon, *Enquête sur les figurations néo-et énéolithique*, «Revue anthropologique», 1931, No. 10—12; M. Hoernes, O. Menghin, *Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa*. Wien, 1925, стр. 217—227.

²² В. М. Гладилін, До питання про вік наскальних рисунків Кам'яної могили, «Археологія», XVI, Київ, 1964, рис. 2.

²³ В. Н. Ястребов, Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии, ЗООИД, XVII, 1894, стр. 81; В. И. Гошкевич, Клады и древности Херсонщины, Херсон, 1903, стр. 25, 27.

²⁴ M. et S. J. Péquart et Z. Le Rouzic, *Corpus des signes gravés des monuments mégalithiques du Morbihan*, Paris, 1927, табл. 1, 39, 40, 53.

²⁵ См. карту в кн.: Ж. де Морган, Доисторическое человечество, М.—Л., 1926, рис. 147.

²⁶ А. А. Формозов, Каменный век и энеолит Прикубанья, М., 1965, стр. 61, 149—150.

²⁷ А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 15—16, 20.

²⁸ В. Зирра, Культура погребений с охрой в Закарпатской области Румынской Народной Республики, «Материалы по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики», Кишинев, 1960, стр. 97—127.

²⁹ После того как статья была сдана в печать, при раскопках на Украине было обнаружено еще 7 антропоморфных стел. Все они перекрывали ямные погребения, но в трех случаях — одном в Кировоградской обл. (раскопки Л. И. Крыловой) и двух в низовьях Дуная (раскопки Н. М. Шмаглия) по сохранности камня хорошо видно, что стелы некогда были вкопаны стоймя. Тем самым окончательно доказывается, что стелы, перекрывающие могилы, первоначально стояли на курганах.